

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САРБАШЕВА
Сурна Борисовна

**ВОКАЛИЗМ И КОНСОНАНТИЗМ
ТУБА-ДИАЛЕКТА АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность
10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (тюркские языки народов Российской Федерации)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2002

**Работа выполнена на кафедре алтайского языка и литературы
Горно-Алтайского государственного университета**

- Научный руководитель: доктор филологических наук
И.Я. Селютина
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор, академик АН Республики
Татарстан **Д.Г. Тумашева**
- кандидат филологических наук
Т.И. Ибрагимов
- Ведущая организация: **Институт гуманитарных исследо-
ваний Республики Алтай**

Защита состоится «14» февраля 2002 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2., ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной Библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_11___» января 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

В.З. Гарифуллин

Современный алтайский язык представлен шестью диалектами: тремя южными – диалекты алтай-кижи, телеутов, теленитов, и тремя северными – диалекты куманды-кижи, чалканду, туба. Носителями туба-диалекта являются представители этнической группы, населяющей Турочакский, Чойский, Майминский районы Республики Алтай.

Реферируемая диссертация представляет собой системно-структурное описание вокализма и консонантизма туба-диалекта алтайского языка.

Актуальность исследования. В соответствии с общемировыми тенденциями, изменяются и исчезают специфические особенности языков малочисленных народов, в том числе и народов Алтая, идет процесс их ассимиляции и сокращения сферы функционирования родных языков. Вслед за принятием в 1992 г. Советом Европы Европейской Хартии, призывающей соблюдать языковые права национальных меньшинств, в 1993 г. были разработаны Основы законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов, в Перечень которых вошли 63 этнические единицы, в том числе и северные алтайцы – тубалары, кумандинцы, чалканцы¹. Ранее, в 1991 г., был принят Закон «О языках народов РСФСР», в котором указывается, что языки всех народов являются национальным достоянием и находятся под защитой государства как историко-культурное наследие; малочисленным народам гарантируется государственная поддержка и создание необходимых условий для сохранения и развития их языков². В 1994 г. была издана «Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник», в которой отмечается, что языки малочисленных этносов, в том числе и тубаларов, находятся в зоне этнического бедствия и должны стать объектом этнолингвоэкологии как приоритетного направления государственной, научной и общественной деятельности³.

Для выяснения языковой ситуации было проведено анкетирование населения, считающего себя *туба*. Как показало социолого-лингвистическое обследование, большинство взрослых тубинцев являются тубинско-русскими билингвами, а фактически – тубинско-русско-алтайски-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов. Проект // «Абориген», приложение к газете «Федерация», 22 июня 1993.

² Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 50.

³ Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. – М., 1994.

ми трилингвами. Почти во всех сферах проявления языка тубинцы употребляют русский язык. Безусловное предпочтение тубинскому языку в семейно-бытовой сфере отдают лишь люди пенсионного возраста. Дети фактически не владеют туба-диалектом или используют его лишь в пассивной форме. Такая ситуация указывает на утрату одного из северных диалектов алтайского языка – тубинского. Но, несмотря на потерю языком туба большинства своих социальных функций, – по существу, он выполняет лишь функцию общения в семье со взрослыми и общения в бытовых условиях с людьми своей национальности, – тубинцы высказываются за сохранение родного языка и передачу его следующим поколениям.

В сложившейся ситуации перед лингвистами стоит неотложная задача планомерной и последовательной фиксации всех языковых особенностей одного из исчезающих северных диалектов Алтая – тубинского. Живые диалекты являются ценным источником истории языка и этноса, т.к. в них могут сохраниться архаические черты, свидетельствующие о древнейших этнических и лингвистических контактах. Диалектизмы – фонетические, грамматические, лексические – помогут выяснить изменения, происшедшие на том или ином уровне языка в определенные периоды его развития; особенно ценным историко-лингвистическим источником являются периферийные говоры языка, не оставившие древних памятников письменности.

Наиболее актуальной и безотлагательной является задача изучения звукового строя языка инструментальными методами, т.к. изучение особенностей артикуляционно-акустической базы этноса возможно только при наличии носителей языка, хорошо владеющих им.

Фонетика алтайского языка и его диалектов исследовалась экспериментальным путем с конца 60-х годов. М.Ч. Чумакаева, впервые изучив собранный ею экспериментально-фонетический материал, выявила систему согласных алтайского литературного языка [1978]. Активно исследуются объективными методами различные аспекты звукового строя двух других северных диалектов – кумандинского, чалканского, а также южных диалектов – теленгитского, бачатско-телеутского. Звуковой строй туба-диалекта не был предметом специального исследования. Монография Н.А. Баскакова «Диалект черневых татар /туба-кижи/...» представляет собой свод текстов и их переводов [1965]; в работе «Диалект черневых татар /туба-кижи/. Грамматический очерк и словарь» дано лишь краткое описание фонетики, грамматики и лексики диалекта [1966]. Единственной работой, посвя-

щенной инструментальному изучению тубинских гласных, является статья Г.А. Петькина и М.Ч. Чумакаевой «Количественные характеристики гласных тубинского диалекта алтайского языка в моносyllабах» [1989]. Отдельные замечания, касающиеся фонетических особенностей тубинского диалекта, содержатся в работах В.Н. Тадыкина [1981] и А.Т. Тыбыковой, М.Ч. Чумакаевой [1981].

Актуальность и безотлагательность исследования обусловлена вполне реальной перспективой исчезновения диалекта вследствие расселения тубинцев и утраты ими мест компактного проживания. Сложность языковой ситуации, осознание тубинцами необходимости сохранения и развития родного языка на фоне полной его неизученности также свидетельствуют об актуальности данного исследования, предполагающего выявление звуковой системы языка и определение особенностей артикуляционно-акустической базы тубинцев.

Цель работы – дать объективное синхронное описание подсистем гласных и согласных фонем туба-диалекта алтайского языка.

Задачи: 1) выявить состав гласных и согласных фонем на имеющемся лексическом и текстовом материале, собранном автором, и определить возможности их позиционно-комбинаторного распределения; 2) в соответствии с применяемыми в работе экспериментально-фонетическими методами, составить специальные исследовательские программы; 3) расшифровать, проанализировать, обработать метрически, табулярно-статистически и графически полученный экспериментально-фонетический материал; 4) на основе анализа экспериментальных данных дать артикуляторно-акустическое описание текстовых реализаций гласных и согласных фонем; 5) определить качественно-количественные характеристики гласных и согласных фонем; 6) выявить конститутивно-дифференциальные признаки фонем, определив и описав, таким образом, фонологическую систему туба-диалекта; 7) определить специфику вокализма и консонантизма языка тубинцев на фоне алтайского литературного языка и фонологических систем других северных диалектов.

Методика исследования. В работе применен комплекс методов, включающий: 1) субъективные методы – аудио-визуальных наблюдений автора и показаний информантов; 2) собственно лингвистические методы – метод дистрибутивного анализа с использованием правил выделения фонем Н.С. Трубецкого, критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования, метод минимальных пар, метод остаточной выделяемости и морфологический метод; 3) экспериментально-фонетические методы – соматические методы статиче-

ского рентгено- и дентопалатографирования, методы компьютерной обработки звуков речи с использованием программ CoolEdit, CoolPro, Winacorn, WinCecil.

Объектом исследования является вокализм и консонантизм тубадиалекта алтайского языка (турочакский говор).

Материалом исследования являются: 1) отдельные словоформы (около 3000 единиц) и связные разговорные тексты (6 аудиокассет и 1 видеокассета), записанные автором во время экспедиций 1999–2001 г. в Турочакский район Республики Алтай, а также тубинские словоформы, выписанные из словаря, составленного Н.А. Баскаковым [1966], и проверенные с информантами в полевых и лабораторных условиях; 2) рентгенограммы и рентгеносхемы гласных и согласных звуков, полученные от двух дикторов-тубинцев (20 рентгенограмм); 3) дентопалатограммы реализаций гласных и согласных фонем от трёх дикторов (290 оттисков); 4) звуковые компьютерные файлы, записанные с помощью акустической программы CoolEdit в формате wav., конвертированные при помощи программы Winacorn в формат utt. и обработанные в программе WinCecil по показателям осциллограмм, спектрограмм, огибающих кривых основного тона и интенсивности (около 170 файлов).

Научная новизна. Данная работа является первым систематическим научным исследованием вокализма и консонантизма исчезающего тубадиалекта алтайского языка с использованием объективных экспериментально-фонетических методов. Выявлены инвентари гласных и согласных фонем, позиционно-комбинаторные характеристики их реализаций, определены оппозиции, на которых строятся системы гласных и согласных фонем, определены структурные типы вокализма и консонантизма, выявлены характеристики артикуляционно-акустической базы тубакижи в области вокализма и консонантизма и сопоставлены с имеющимися данными по фонетике алтайского литературного языка и североалтайских диалектов – кумандинского и чалканского.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения работы могут быть использованы в сопоставительно-типологических исследованиях тюркских языков и диалектов, при разработке проблем фонетики и фонологии алтайских диалектов, при написании фонетических разделов в учебниках и учебных пособиях по алтайскому, русскому и иностранному языкам для школ с учащимися-тубинцами. Результаты, полученные в диссертационной работе, будут учтены в теории артикуляционно-акустических баз языков Сибири, раз-

рабатываемой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева Института филологии СО РАН. Материалы могут быть использованы при составлении диалектологического атласа тюркских языков народов Сибири.

Положения, выносимые на защиту:

Инвентарь гласных фонем в туба-диалекте насчитывает 19 единиц – 16 монофтонгов – а [ä₁], аа [ä₁ː], э [ɛ̃₁], ээ [ɛ̃ː₁], ы [ɯ̃₁], ыы [ɯ̃ː₁], и [ɪ̃ː₁], ии [ɪ̃ː₁ː], о [ɔ̃₁/o], оо [ɔ̃ː₁/oː], ө [ɔ̃₁ː], өө [ɔ̃ː₁ː], у [ũ₁], уу [ũː₁], ү [ö̃₁ː], үү [ö̃ː₁ː] и 3 дифтонга – ао [äɔ̃₁], ау [äɯ̃₁], оу [ɔ̃ũ₁].

Вокальная подсистема структурируется оппозициями по ряду (комбинированные переднерядно-/центральнозаднерядные, центральнозаднерядные сверхсильновыдвинутые, центральнозаднерядные, комбинированные центральнозаднерядно-/заднерядные), подъему (широкие / среднего подъема / узкие), лабиализации (огубленные / неогубленные), длительности (краткие / долгие / долготнонеопределенные), нефарингализованности / фарингализованности, монофтонгоидности / дифтонгоидности.

Инвентарь согласных фонем в исследуемом говоре туба-диалекта включает 18 единиц: 11 шумных – [p «р», «ḫ», «б», «β», «w»], [pː], [t «т», «d»], [tː], [s «с», «z»], [ʃː «ʃː», «зː»], [ʃː¹ «ʃ¹», «з¹»], [ʃ¹ «ʃ¹», «з¹»], [ħçː], [k «к», «g», «γ», «q», «χ», «ç», «çʁ»], [kː], и 7 малошумных: [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ].

Подсистема консонантов туба-диалекта алтайского языка базируется на противопоставлении по шумности / малошумности, ртовости / назальности, артикуляторному ряду (губные / переднеязычные / передне-среднеязычные / межзубноязычно-заднеязычно-язычковые), способу образования шумообразующей преграды (простые – щелинные / нещелинные; сложные – смычно-щелинные), краткости / долготы / долготнонеопределенности, шумные долготнонеопределенные – по форме щели (круглая / плоская), шумные плоскощелевые – по степени палатализации (слабая / умеренная / сильная), малошумные ртовые переднеязычные – по локализации щели (латеральная / медиальная).

Специфика вокальной системы туба-диалекта заключается в наличии дифтонгов; в преобладании в системе центральнозаднерядных гласных различной степени выдвинутости; в низкой продуктивности переднерядных артикуляций; в факультативном использовании центральнозаднерядных сверхсильновыдвинутых и переднерядных реализаций мягкорядных фонем; в фактическом вытеснении из системы переднерядных настроек центральнозаднерядными; в релевантности наличия

/ отсутствия признака фарингализации, сопутствующего конститутивно-дифференциальным параметрам краткости / долготы; в фонологизации позиционной долготы гласных.

Специфика тубинского консонантизма определяется высокой вариативностью реализаций фонем, обусловленной ослаблением мускульной напряженности речевого аппарата и, как следствие, перестройкой системы, структурируемой по степени напряженности, в систему, определяемую признаками длительности. Специфически тубинской чертой является переход в твердоярдных словоформах язычкового *q*, соответствующего др.-т. *ɣ*, в губно-губной круглощелевой *w* с последующим выпадением его и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на региональных, всероссийских и международных конференциях: 1) «Двуязычие у тубинцев». – Вторая зимняя типологическая школа-семинар по лингвистической типологии и антропологии. Москва, 2000; 2) «Дистрибуция тубинских среднеязычных согласных». – Международная конференция «Письменность: Становление и развитие науки в Туве». Кызыл, 2000; 3) «Дистрибуция носовых сонорных согласных (на материале тубинского диалекта алтайского языка)». – XXXVIII Междунар. научная конфер. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2000; 4) «Инвентарь межточнoязычных согласных в туба-диалекте алтайского языка». – XXXIX Междунар. студенческая конфер. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2001; 5) «Социолого-лингвистическое обследование тубинцев». – Конференция молодых ученых Института филологии СО РАН. Новосибирск, 1999; 6) «Заднеязычно-язычковые согласные в туба-диалекте алтайского языка». – Конференция «Языки народов Сибири и сопредельных регионов». Новосибирск, ИФЛ СО РАН, 2000; 7) «К проблеме разработки письменности для тубинцев». – Аспирантский семинар Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск, 2001; 8) «Фонетика туба-диалекта алтайского языка». – Российская конференция «Проблемы языковой ситуации тюркских народов и политика сохранения родных языков». Горно-Алтайск, 2001.

По теме работы **опубликовано** 12 статей и тезисов, 5 статей сданы в печать.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбора темы диссертации, определяются цели, задачи и методика исследования.

Глава I. История вопроса и понятийно-терминологический аппарат исследования – посвящена анализу литературы, в которой освещается место тубинцев в этнографических, антропологических и лингвистических классификациях; описанию языковой ситуации у тубинцев по результатам социолингвистического исследования, выполненного автором диссертации; анализу проблем исследования тюркской фонетики; краткому изложению истории изучения звуковых систем алтайского литературного языка и северных диалектов Алтая; постановке проблем исследования вокализма и консонантизма туба-диалекта алтайского языка; краткому изложению концептуальной и терминологической базы диссертационного исследования.

Глава II. Гласные фонемы туба-диалекта – посвящена анализу дистрибуции и функционирования гласных звуков, определению инвентаря фонем и конститутивно-дифференциальных признаков (КДП), структурирующих вокализм, выявлению особенностей артикуляционно-акустической базы (ААБ) тубинцев.

В результате проведенного исследования выявлены **19** гласных фонем – **16 монофтонгов** – а [$\dot{\lambda}_a$], **аа** [$\dot{\lambda}_a^\sim$:], э [$\dot{\gamma}_a$], **ээ** [$\dot{\gamma}_a^\sim$:], **ы** [$\dot{\omega}_a$], **ыы** [$\dot{\omega}_a^\sim$:], **и** [$\dot{\upsilon}_a$], **ии** [$\dot{\upsilon}_a^\sim$:], **о** [\dot{o}_a /o], **оо** [\dot{o}_a^\sim :/o':], **ö** [$\dot{o}_{a\uparrow}$], **öö** [$\dot{o}_{a\uparrow}^\sim$:], **у** [\dot{u}_a], **уу** [\dot{u}_a^\sim :], **ү** [$\dot{ö}_{a\downarrow}$], **үү** [$\dot{ö}_{a\downarrow}^\sim$:] и **3 дифтонга** – **ао** [$\dot{\lambda}\dot{o}$], **ау** [$\dot{\lambda}\dot{u}$], **оу** [$\dot{o}\dot{u}$]. Наличие гласных фонем-дифтонгов определяет специфику тубинского вокализма на фоне других южносибирских тюркских языков, сближая его с одним из северосибирских тюркских языков – якутским.

Основными *конститутивно-дифференциальными признаками* (КДП), определяющими систему гласных туба-диалекта алтайского языка, являются монофтонгоидность / дифтонгоидность; для монофтонгов – ряд, подъем, огубление, долгота / краткость, фарингализованность / нефарингализованность; для компонентов дифтонгов – ряд, подъем, огубление.

Монофтонгоидность/дифтонгоидность. Тубинские дифтонги удовлетворяют правилам определения однофонемности сочетаний звуков: составные части сочетания гласных не распределяются по двум слогам; группа звуков реализуется единой артикуляцией; длительность сочетания не превышает длительности других гласных фонем языка; группа гласных звуков встречается в таких положениях, где по правилам тубинского язы-

ка, как и большинства других тюркских языков, недопустимы сочетания гласных звуков. Всё это позволяет квалифицировать дифтонги **ао**, **ау**, **оу** как самостоятельные фонемы сложного образования [ʎ́ó], [ʎ́ú], [óú], отличные от фонем-монофтонгов по своим артикуляторно-акустическим характеристикам и выполняющие, наряду с фонемами-монофтонгами, функцию смысловозначения.

Тубинские дифтонги развиваются в результате свойственного кыпчакско-тюркским языкам процесса перехода слабо артикулируемого язычкового звука «ɣ» в финальной и в медиальной позициях в губно-губной круглощелевой консонант «w» с последующим выпадением согласного и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту; в диалекте зафиксированы различные стадии этого процесса: «**áó**» авом [áwóm]/аом [áóm] ‘отец =мой’; аҕры [áqɣ] /овру [ówrú]/аору [áórú] ‘болезнь, боль’; «**áú**» – савын [sáwʃn]/саун [sáún] ‘мыло’; павыр [páwɣr]/паур [páúr] ‘печень’; пав [páw]/паҕ [paq]/пау [páú] ‘веревка’; таҕ [taq]/тав [táw]/тов [tów]/тоу [tóú]/тау [taú] ‘гора’; јау [hájú]/јаҕ [həq] ‘война’; саул [sáú] ‘корнекопалка’; қаурбыт [qáúrbýt] ‘собирает’; саужы [sáúžɣ] ‘мысли=его’; јауна [hájuna] ‘законам=его’; тауштырып [táúʃtɣp] ‘сдавая’; тауш [táúʃ] ‘шум’; «**óú**» – јовош [hówóʃ]/јовуш [hówúʃ]/јоуш [hóúʃ] ‘спокойный’; позов [pózów]/позоҕ [pózóq]/позоу [pózóú] ‘теленок’; сайрув [sájruw] / сайроу [sájróú] ‘топленное масло’; јейоҕ [hėjóq] /јейоу [hėjóú] ‘пешком’; тоус [tóús] ‘название рода’; тоу [tóú] ‘нести’; оурирым [óúrigɣm] ‘буду кричать’.

В туба-диалекте функционируют лишь *твердоядные* дифтонги **ао** [ʎ́ó], **ау** [ʎ́ú], **оу** [óú]. Все дифтонги – *сужающиеся*: второй компонент уже первого. Первый компонент дифтонга может быть как *огубленным*, так и *неогубленным*, в качестве второго компонента дифтонга могут выступать только *огубленные* гласные, что свидетельствует о непродуктивности в языке губной гармонии гласных.

Учитывая незавершенность процесса формирования подсистемы дифтонгов в туба-диалекте, факультативность использования их наряду с трёхфонемными комплексами VCV- в анлауте или -VCV- в инлауте и бифонемными сочетаниями -VC в ауслауте, их следует отнести к *периферии системы*.

Артикуляторная рядность гласных. В туба-диалекте фонологически релевантными являются *четыре ряда* вокальных настроек: комбинированный передне-/центральнозадний сверхсильновыдвинутый, центральнозадний сверхсильновыдвинутый, центральнозадний и ком-

бинированный центральнозадне-/задний. Гласные, *твердорядные* с точки зрения сингармонизма, реализуются как *центральнозаднерядные* с различной (слабой, сильной, сверхсильной) степенью *выдвинутости* (фонемы **у** [ó_↓], **уу** [ó_↓˘], **а** [λ_↓], **аа** [λ_↓˘], **ы** [ш_↓], **ыы** [ш_↓˘]) и *комбинированные центральнозаднерядно-/заднерядные* (фонемы **о** [ó_↓/о], **оо** [ó_↓˘:/о˘˘]); гласные, *мягкорядные* с точки зрения сингармонизма, реализуются как *центральнозаднерядные сверхсильновыдвинутые* (фонемы **э** [э̣_↓], **ээ** [э̣_↓˘], **ө** [ó_↓˘], **өө** [ó_↓˘˘], **ү** [ó_↓˘], **үү** [ó_↓˘˘]) и *комбинированные переднерядно-/центральнозаднерядные* (фонемы **и** [ɪ̣˘/ь_↓], **ии** [ɪ̣˘˘/ь_↓˘˘]).

Характерной особенностью тубинского вокализма является отсутствие основных переднерядных и заднерядных артикуляций, все настройки как бы сдвинуты к центру резонаторной полости, нет контрастности в дифференциации гласных по ряду, отмечаемой в тюркских языках огузского типа. Наиболее продуктивными являются *центральнозаднерядные* настройки – основные и различной степени выдвинутости. Отсутствие четких различий по артикуляторной рядности наряду с высокой вариативностью настроек манифестаций гласных фонем в потоке речи обуславливают так называемые «нарушения» в реализации палатальной гармонии гласных.

Тем не менее, коррелирующие гласные фонемы туба-диалекта разведены между собой по ряду и подъему в степени, достаточной для того, чтобы осуществлять свою основную лингвистическую функцию – смысловоразличительную: **а** [λ_↓] – **э** [э̣_↓]; **ы** [ш_↓] – **и** [ɪ̣˘/ь_↓]; **о** [ó_↓/о] – **ө** [ó_↓˘]; **у** [ó_↓] – **ү** [ó_↓˘].

Подъем гласных. По степени отстояния языка от нёбного свода, то есть по длине вектора, направленного из точки максимального превышения (МП) контура спинки языка к нёбному локусу (НЛ), гласные туба-диалекта делятся на *широкие* 4-й–6-й ступеней отстояния и полуширокие 3-й–5-й ступеней (фонемы **а** [λ_↓], **аа** [λ_↓˘], **э** [э̣_↓], **ээ** [э̣_↓˘]), *средние* 3-й–4-й ступеней (фонемы **о** [ó_↓/о], **оо** [ó_↓˘:/о˘˘], **ө** [ó_↓˘], **өө** [ó_↓˘˘]) и *узкие* 1-й–2-й ступеней (фонемы **ы** [ш_↓], **ыы** [ш_↓˘], **у** [ó_↓], **уу** [ó_↓˘], **и** [ɪ̣˘/ь_↓], **ии** [ɪ̣˘˘/ь_↓˘˘], **ү** [ó_↓˘], **үү** [ó_↓˘˘]). Наиболее продуктивны для языка тубинцев *узкие* вокальные настройки; широкие гласные реализации 6-й ступени зафиксированы в потоке речи лишь для гласных фонем **а** [λ_↓] и **аа** [λ_↓˘].

Огубление. Гласные туба-диалекта делятся на *неогубленные* – фонемы **а** [λ_↓], **аа** [λ_↓˘], **э** [э̣_↓], **ээ** [э̣_↓˘], **ы** [ш_↓], **ыы** [ш_↓˘], **и** [ɪ̣˘/ь_↓], **ии** [ɪ̣˘˘/ь_↓˘˘], и *огубленные* – фонемы **о** [ó_↓/о], **оо** [ó_↓˘:/о˘˘], **ө** [ó_↓˘], **өө** [ó_↓˘˘], **у** [ó_↓], **уу** [ó_↓˘], **ү** [ó_↓˘], **үү** [ó_↓˘˘]. Для артикуляционно-акустической базы тубинцев характерна *слабовыраженная плоскощелевая* лабиализация. Эта

особенность, по-видимому, детерминирует слабую выраженность губной гармонии гласных – фактически, в языке функционирует сингармоническая модель, близкая к стяженной, представленной лишь палатальной гармонией гласных.

Длительность. Туба-диалект относится к числу тюркских языков, в которых вторичная долгота гласных фонологизовалась и стала дифференциальным признаком, структурирующим систему вокализма. Все гласные делятся на *краткие* – фонемы **а** [λ_а], **э** [ʃ_а], **ы** [ı_а], **и** [ı/ı̄_а], **о** [ó₁/o], **ö** [ó_а˘], **у** [ü₁], **ü** [ü_а˘], и *долгие* **аа** [λ_а˘:], **ээ** [ʃ_а˘:], **ыы** [ı_а˘:], **ии** [ı̄/ı̄_а˘:], **оо** [ó₁˘:/o˘:], **öö** [ó_а˘˘:], **уу** [ü₁˘:], **үү** [ü_а˘˘:]. Фонематичность кратких и долгих гласных звуков подтверждается противопоставлением выявленных в языке словоформ-квазиомонимов: ан [aŋ] ‘зверь’ – аан [á:ŋ] ‘его’; кат [qát] ‘ягода’ – каат [qa:t] ‘жена’; так [táq] ‘пришивать’ – таак [ta:q] ‘курица’; пас [pás] ‘ходить’ – паас [pa:š] ‘овод’; айран [ájran] ‘вилы’ – айраан [ájra:n] ‘кислое молоко’; орто [órtó] ‘средний’ – оорто [ó:rtó] ‘брага’; оорым [óróɣm] ‘буду пеленать’ – оорорым [ó:róɣm] ‘буду кричать’; курак [qúraq] ‘сухой’ – куурак [qu:raq] ‘молозиво’; сек [sək] ‘падаль’ – сеек [sə:k] ‘комар’; эр [er] ‘мужчина’ – ээр [ɛ:ɾ] ‘седло’; көш [køʃ] ‘переходить, переезжать’ – көөш [kø:ʃ] ‘чугунок’; көк [køk] ‘синий’ – көөк [kø:k] ‘кукушка’; пүн [pön] ‘бульон’ – пүүн [pü:n] ‘сегодня’. В целом средняя относительная длительность (СОД) краткого гласного составляет 128,6% средней длительности звука, а средняя относительная длительность долгого гласного составляет 174,9% СДЗ. СОД долгого гласного превосходит относительную длительность краткого гласного в 1,4 раза. Такие показатели подтверждают *релевантность признаков краткость / (полу)долгота* в системе тубинского вокализма.

Кроме стяженной долготы, в туба-диалекте, как и в ряде других кыпчакских или сильно кыпчакизированных тюркских языков реализуется так называемая *позиционная* долгота гласных: широкие гласные открытого слога перед слогом с узким гласным удлиняются до длительности стяженных долгих гласных, в ряде случаев даже превосходя её; в тубинском в бисиллабах со слоговой структурой типа CV-CVC широкий гласный превосходит по длительности узкий в среднем в 4,8 раза. В соответствии с системным подходом к интерпретации результатов исследования, гласные, маркируемые позиционной долготой, трактуются в работе как *долгие* и, следовательно, констатируется *фонологизация позиционной длительности гласных*, а также *чередование* кратких и долгих гласных в составе морфем: пай [páj] ‘богатство’ – пайым [pa:jəm] ‘богатство=мое’, паш

[pɑ́ʃ] ‘голова’ – пажым [pɑ́:ʒ'ʔm] ‘голова=моя’, кас [qɑ́s] ‘гусь’ – казым [qɑ́:ʒ'm] ‘гусь=мой’, қар [qɑ́r] ‘снег’ – қарым [qɑ́:ʒ'm] ‘снег=мой’, пеш [pɛʃʃ] ‘пять’ – пежим [pɛ́:ʒym] ‘пятерка=моя’, пел [pelʃ] ‘спина’ – пелим [pɛ́:ʃ'lim] ‘спина=моя’, қол [qól] ‘рука’ – қолым [qó:ʔ'm] ‘рука=моя’, јол [hól] ‘дорога’ – јолым [hó:ʔ'm] ‘дорога=моя’, пөк [pøk] ‘крышка’ – пөгим [pö:ʔ'gym] ‘крышка=моя’, көл [køl] ‘озеро’ – көлим [kö:ʔ'lim] ‘озеро=мое’. Аналогичные явления отмечаются на объективном экспериментальном материале в кумандинском диалекте алтайского языка и в хакасском языке.

Наряду со стяженной и позиционной долготой, в туба-диалекте отмечаются долготы, традиционно квалифицируемые как рефлексы пратюркской первичной долготы гласных: аар [ɑ́:r] ‘уствовать’, ээн [ɛ́:n] ‘пустота’, пар [pɑ́:r] ‘есть’, тар [tɑ́:r] ‘тесный’, таш [tɑ́:ʃ] ‘камень’, қан [qɑ́:n] ‘кровь’, јак [hɑ́:q] ‘нет’, пел [pɛ́:ʃ] ‘спина’, пеш [pɛ́:ʃʃ] ‘пять’, кир [kí:ʔr] ‘входить’, саа [sɑ́:] ‘доить’. Для решения вопроса о причинах реализации долготы в зафиксированных примерах необходимо применение методов исторической фонетики, но в любом случае нельзя не принимать во внимание фонетический контекст: ингерентную длительность гласных, комбинаторные и позиционные условия их функционирования.

Фарингализация. Долгие гласные артикулируются с дополнительной работой стенок фаринкса и характеризуются как *фарингализованные* – фонемы **аа** [ɑ́:~:], **ээ** [ɛ́:~:], **ыы** [ɯ́:~:], **ии** [í:~/:~:], **оо** [ó:~/:ó:~:], **öö** [ó_~:], **уу** [ú:~:], **үү** [ú_~:]]; краткие гласные характеризуются как *нефарингализованные* – фонемы **а** [ɑ_], **э** [ɛ_], **ы** [ɯ_], **и** [i_/:~:], **о** [ó/ó_], **ö** [ó_~:], **у** [ú_], **ү** [ú_~:]. Эти гласные произносятся с большей напряженностью стенок резонаторной полости и с нисходяще-восходящим (резконисходяще-плавнонисходяще-резковосходящим) движением основного тона, о чем свидетельствуют данные спектрографирования и огибающая кривая частоты основного тона.

Следовательно, тубинские долгие гласные вступают в оппозицию с краткими гласными не только по количественным показателям, но и по качественным параметрам: *краткие нефарингализованные / долгие фарингализованные*. Поскольку долгота не является единственным маркером гласных, квалифицируемых как долгие, противопоставление тубинских гласных по длительности не столь контрастно выражено, как в близкородственных тюркских языках и диалектах, очень часто гласные, квалифицируемые как долгие, реализуются как *полудолгие*.

Назализация. Все гласные фонемы определяются как *неназализованные*; назализованные реализации являются позиционными или комбинаторными оттенками фонем. Высокая частотность назализованных вокальных артикуляций свидетельствует о слабости мускульной напряженности как артикуляционно-базовом признаке.

В обобщенном виде отношения между единицами вокальной системы отражены на *схеме-дереве 1*.

Глава III. Согласные фонемы туба-диалекта посвящена анализу системы тубинских согласных. Консонантизм туба-диалекта включает **18** единиц: [p], [p:], [m], [t], [t:], [s], [ʃ], [ʃ'], [ʃ''], [l], [r], [n], [ħç:], [j], [k], [k:], [γ], [ŋ]. Основными *конститутивно-дифференциальными признаками* системы согласных туба-диалекта алтайского языка, являются шумность / малошумность, ртовость / назальность, артикуляторный ряд, способ образования шумообразующей преграды, краткость / долготность / долготнонеопределенность, для шумных долготнонеопределенных – круглая или плоская щелинность, для шумных плоскощелевых – степень палатализации, для малошумных ртовых переднеязычных – латеральность или медиальность щели.

Шумность / малошумность. Система фонем состоит из **11 шумных** фонем: [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ʃ'], [ʃ''], [ħç:], [k], [k:], и **7 малошумных**: [m], [n], [l], [r], [j], [γ], [ŋ]. Аудитивный анализ и результаты компьютерной обработки звуковых файлов показали, что согласные, квалифицируемые в соответствии с традициями индоевропеистики как сонорные, в тубинском языке, как и в большинстве тюркских языков Южной Сибири, в целом ряде позиций реализуются не в сонорных (звучных) оттенках, а в сильно оглушенных или полностью глухих аллофонах, что делает некорректной трактовку этих согласных как сонорных. Эти согласные характеризуются акустически как малошумные (произносимые с меньшей степенью шума, чем шумные), артикуляторно – как сверхслабые (более слабые, чем шумные). Следует отметить, что система оппозиций тубинских согласных по шумности / малошумности не до конца сформировалась – фонемы [p «р», «ħ», «b», «β», «w̥»] и [j «ħ», «j», «r̥»] реализуются как в шумных («р», «ħ», «b»; «ħ»), так и в малошумных («β», «w̥»; «j», «r̥») оттенках, например: сабар [sáħar (~ sáβar)] ‘палец’, joboш [ħobof (~ howof ~ ho:ʃ)] ‘спокойный’, торбок [torboq (~ torβoq ~ torwoq)] ‘бычок, телка’, jaан [há:n (~ rǎ:n)] ‘большой’, ъанук [rǎ:nuq (~ hǎ:nuq)] ‘бабушка’.

Звонкость / глухость в туба-диалекте не является конститутивно-дифференциальным признаком, определяющим всю систему: если шумные долгие фонемы [p:], [t:], [h̥ç:], [k: «k:», «q:», «χ:»] реализуются в оттенках, облигаторно глухих (например: жапаш [h̥apaʃ] ‘шалаш’, кутук [qutuq] ‘целебный’, кучыйях [quh̥çɟjaχ] ‘птичка’, эки [ɛki] ‘два’, үкү [ükü] ‘сова’), то для шумных кратких и долготнонеопределенных согласных [p «p», «b», «β», «w»], [t «t», «d»], [s «s», «z»], [ʃ «ʃ’, «ž’»], [ʃʰ «ʃʰ’, «žʰ’»], [k «k», «g», «γ», «q», «χ», «ç», «q’] это *оттенковая* характеристика, поскольку большинство фонем реализуется как в глухих, так и – в интервокальной и медиально-постсонантной позициях – в озвонченных оттенках; различающиеся по степени звонкости/глухости аллофоны находятся в отношениях дополнительной дистрибуции или свободного варьирования (например: пыса [p̥sa (~ p̥za)] ‘телёнок’, жакан [h̥ɑzʰaŋ (~ h̥ɑʃʰaŋ)] ‘молодая зелень’, сағыш [sɑːqʰɟʃ] ‘мысли’ – сағыжым [sɑːqʰɟʃʰɪm (~ sɑːqʰɟʃʰɪm)] ‘мысли=мои’). Факультативное использование людьми старшего поколения глухих и звонких реализаций фонем в интервокальной позиции с преобладанием глухих артикуляций и в основном озвонченное произношение этих звуков молодыми тубинцами свидетельствует о развитии консонантной системы по пути озвончения реализаций шумных кратких фонем в определенных позиционно-комбинаторных условиях.

Ртовость / назальность. Все *шумные* тубинские фонемы являются *ртовыми*: [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ʃʰ], [ʃʰʰ], [h̥ç:], [k], [k:]; в подсистеме *малозумных* согласных признак *ртовости* [l], [r], [j], [χ] / *назальности* [m], [n], [ŋ] является дифференциальным.

К числу особенностей артикуляционно-акустической базы тубинцев следует отнести продуктивность такой специфической артикуляции, как *фаукальный взрыв* при произнесении ртовых согласных. Фаукальность – это взрывное размыкание мягкого нёба, сомкнутого с задней стенкой носоглотки, при сохранении смычной преграды в полости рта; выход струи воздуха осуществляется при этом через полость носа. Фаукальные согласные в туба-диалекте не ограничены позиционно или комбинаторно, они могут появляться в любом положении в словоформе, чаще всего – в составе медиальных биконсонантных сочетаний. Но если в русском языке фаукальное произношение неносовых смычно-взрывных согласных отмечается лишь в препозиции к гоморганным носовым согласным, то в тубинском такой закономерности не наблюдается. Высокая частотность фаукальных согласных, наряду с факультативным двухканальным ртво-

носовым произношением гласных и щелевых согласных, свидетельствующим о слабой напряженности нёбной занавески, создают впечатлительные *назализованности* речи тубинцев, произношения «в нос».

Артикуляторная рядность (характеристика по активному артикулирующему органу). В тубинском консонантизме функционируют *четыре* фонологически релевантных артикуляторных ряда: *зубной* – [p], [p:], [m], *переднеязычный* – [t], [t:], [s], [ʃ], [ʃ'], [ʃ''], [l], [r], [n], *передне-среднеязычный* – [ħc:], [j], *межзубноязычно-заднеязычно-язычковый* – [k], [k:], [γ], [ŋ]. При этом фонема [j «ħ», «j», «r»] – фонема 3-й артикуляции – в зависимости от позиционно-комбинаторных условий реализуется либо в передне-среднеязычном оттенке «ħ», либо в среднеязычных «j» и «r». Фонемы 4-й артикуляции – фонемы [k «к», «q», «γ», «q», «χ», «ç», «qʃ», «qʃ'», [k: «к:», «q:», «χ:»], [γ «γ», «qʃ''], [ŋ «ŋ», «ŋ'»] – в зависимости от твердорядности / мягкорядности словоформы, от позиции и комбинаторики реализуются в аллофонах трёх настроечных типов: 1) в твёрдорядных словоформах – в мягконёбно-язычковых заднеязычно-корнеязычных; 2) в мягкорядных словоформах не в препозиции к гласным переднего ряда – в межзубноязычно-заднеязычных (факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – заднеязычных) заднетвёрдонёбно-мягконёбных; 3) в мягкорядных словоформах в препозиции к гласным переднего ряда – в межзубноязычных заднетвёрдонёбных (факультативно – срединнотвёрдонёбно-заднетвёрдонёбных).

Межзубноязычные согласные впервые были выделены в особый класс в артикуляционной классификации согласных В.М. Надеяевым; позднее они были выявлены экспериментально в ряде тюркских языков Южной Сибири. В тубинском диалекте алтайского языка, как показали соматические исследования, межзубноязычные согласные имеют свою специфику реализации: существует четкая корреляция между настроечным типом согласного и качеством постпозитивного гласного – перед гласными переднего ряда употребляются межзубноязычные консонанты, в остальных позициях в составе мягкорядных словоформ употребляются заднеязычные или межзубноязычно-заднеязычные оттенки фонемы.

На слух межзубноязычные согласные воспринимаются как сильнопалатализованные к', г', что обусловило трактовку их Н.А. Баскаковым в ряде тюркских языков как среднеязычных согласных. Интересно отметить, что в северных русских диалектах на месте палатализованных к', г' развились палатализованные т', д' [Касаткин 1999: 119]: «gut'i» 'руки', «nod'i» 'ноги'. Этот факт вписывается в общую тенден-

цию продвижения тубинских гуттуральных согласных вперёд: переход язычкового «q» в губное «w».

Характеристика по пассивному артикулирующему органу является *оттенковой* в системе тубинского консонантизма, обусловленной позиционно-комбинаторными условиями функционирования звуков, а также закономерностями свободного варьирования.

По способу образования шумообразующей преграды тубинские согласные делятся на *простые* по способу образования – смычные, щелевые, дрожащие, и *сложные* – смычно-щелевая фонема [ħç:]. При этом, если для шумных и малозумных щелевых согласных [s «s», «z»], [ʃ' «ʃ'», «z'»], [ʃ'' «ʃ''», «z''»], [ɣ «γ», «q»] щелевая настройка является облигаторной, то в подсистеме шумных *смычных* характеристика по способу образования является постоянной лишь для долгих фонем [p:], [t:] и для краткой переднеязычной [t «t», «d»] (большая устойчивость характерна для центральной группы согласных в тюркских языках [Широбокова 2001: 127]). Шумные периферийные фонемы – губная краткая [p «p», «b̥», «b», «β», «w̥», «w»], межзубноязычно-язычковые краткая [k «k», «q», «γ», «q», «χ», «ç», «q̥», «q̥'] и долгая [k: «k:», «q:», «χ:»] реализуются как в смычных, так и в щелевых аллофонах. *Дрожащая* фонема [ɣ] представлена как смычноударными, так и щелинноударными аллофонами. Малозумные носовые фонемы [m], [n], [ŋ «η», «η»] могут факультативно реализоваться как в одноканальных смычных, так и в двухканальных узкощелевых назализованных оттенках. Фонема [j «ħ», «j», «r»] представлена как смычными, так и щелевым позиционно-комбинаторными оттенками. Таким образом, оппозиция по способу образования представлена в системе тубинского консонантизма не противопоставлением по смычности / щелинности, а противопоставлением щелинных и нещелинных согласных.

Характеристика согласных по квантитативным параметрам является системообразующей для современного тубинского консонантизма. Шумные согласные представлены *краткими* [p], [t], [k], *долгими* [p:], [t:], [ħç:], [k:] и *долготнинеопределенными* [s], [ʃ', [ʃ''], [ʃ''] фонемами; все малозумные согласные [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ] – долготнинеопределенные: они могут реализоваться как в кратких, так и в долгих оттенках. Оппозиция по краткости / долготе / долготнинеопределенности (например: атан [át:an] ‘собираться’ – адан [ádan] ‘назваться’, алты [ált:ъ] ‘шесть – алды [áldъ] ‘взял’) формируется в языке в результате приспособления суперстратной системы, базирую-

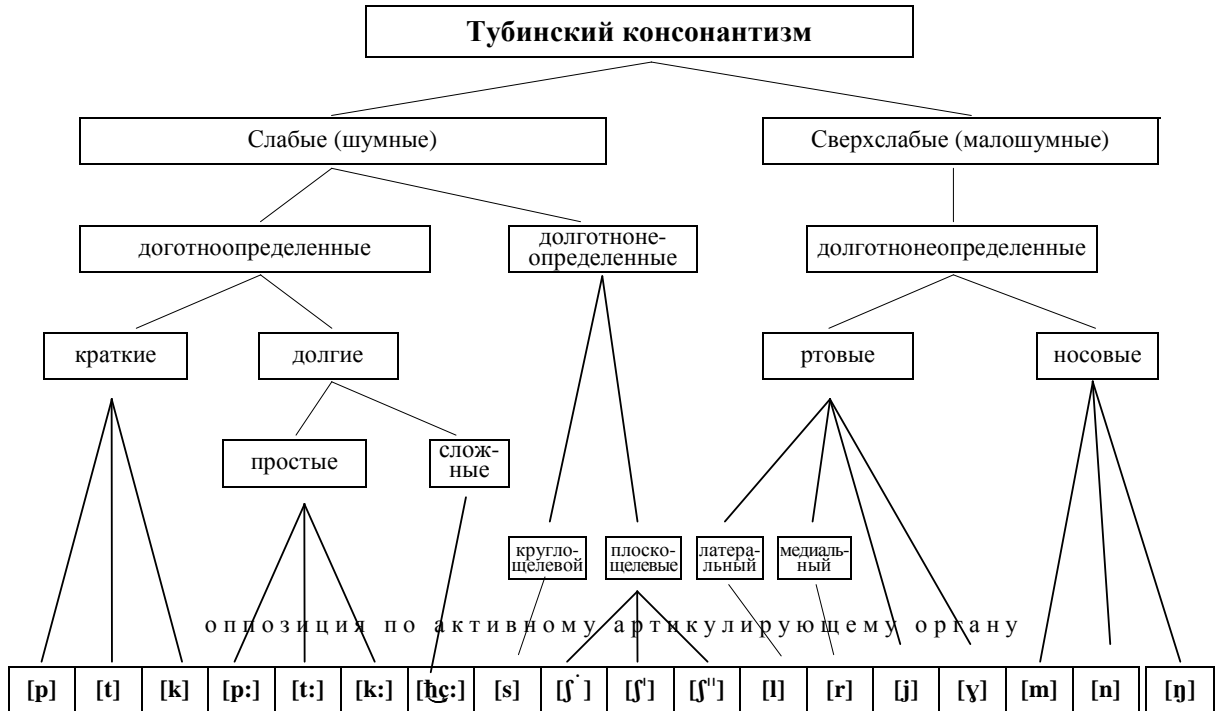
щейся на противопоставлении по степени напряженности, к произносительным нормам языка-субстрата.

В подгруппе шумных плоскощелевых согласных конститутивно-дифференциальным признаком является **степень палатализации**: в языке функционируют *слабопалатализованная* фонема [ʃ̣ «ʃ̣», «з̣»] (например: шили [ʃ̣ылы] ‘стекло’, [táʃ̣] ‘камень’), *умереннопалатализованная* [ʃ̣ʰ «ʃ̣ʰ», «з̣ʰ»] (например: шытқыт [ʃ̣ʰытқыт] ‘затылок’, паш [páʃ̣ʰ] ‘голова’) и *сильнопалатализованная* [ʃ̣ʰʰ «ʃ̣ʰʰ», «з̣ʰʰ»] (например: шақ [ʃ̣ʰʰáқ] ‘сила’, палащ [páʃ̣ʰʰ] ‘грязь, болото’). Тубинские звуки «ʃʰʰ» и «зʰʰ», развившиеся из древнетюркского среднеязычного «ḥç», соответствуют общетюркским среднеязычным «ḥç», «ḥ» или «ɣ». Аналогии тубинским сильнопалатализованным «ʃʰʰ» и «зʰʰ» можно отметить в близкородственных тубинскому чалканском диалекте алтайского языка, а также в шорском языке. Наиболее продуктивными являются умереннопалатализованные артикуляции «ʃʰ» и «зʰ». Словоформы, в которых зафиксированы слабопалатализованные консонанты «ʃ̣» и «з̣», а также сильнопалатализованные «ʃʰʰ» и «зʰʰ», факультативно могут быть реализованы с умеренно выраженной палатализацией шипящих. Это может свидетельствовать о тенденции к унификации трех шипящих фонем в одной – умереннопалатализованной фонеме [ʃʰ]. Отсутствие в языке квазиомонимов, различение семантики которых базировалось бы на противопоставлении шипящих звуков с различной степенью палатализации, подтверждает вывод о непродуктивности оппозиции согласных ʃ̣, ʃʰ и ʃʰʰ.

В обобщенном виде система тубинских согласных фонем представлена на *схеме-дереве 2*.

В **Заключении** подведены итоги работы. Сопоставительный анализ артикуляторных настроек гласных и согласных свидетельствует о наличии значительного типологического сходства в структурной организации вокальных и консонантных фонологических систем в языках Алтая.

Все вокальные системы построены на оппозициях по ряду, подъему, огублению и длительности; спецификой тубинского вокализма является релевантность наличия / отсутствия признака фарингализации, сопутствующего конститутивно-дифференциальным параметрам краткости / долготы. Кроме того, только в современном туба-диалекте наряду с гласными фонемами-монофтонгами формируется подсистема дифтонгов, функционирующих на периферии системы.

Все консонантные системы в исследованных диалектах Алтая структурируются противопоставлением единиц по шумности / малошумности, краткости / долготе / долготнонеопределенности. Специфически тубинской чертой является переход в твердорядных словоформах малошумного язычкового σ , соответствующего древнетюркскому χ , в губно-губной круглошелевой w с последующим выпадением его и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту. Особенностью консонантной системы туба-диалекта является и наличие тройной оппозиции переднеязычных плоскошелевых согласных по степени палатализации.

Существенные расхождения отмечаются в субстанциональных характеристиках реализаций единиц выявленных систем. Эти различия обусловлены особенностями артикуляционно-акустических баз этнических групп – носителей рассматриваемых языков и диалектов, а также различной их историей.

Структурные и функциональные характеристики звуковых подсистем туба-диалекта алтайского языка свидетельствуют о том, что диалект находится на стыке двух ветвей циркумбайкальского языкового союза [Наделяев 1986] – алтае-саянской ветви с системной организацией консонантизма по квантитету и утратой древнетюркского χ по южно-алтайскому типу [Широбокова 2000] и саяно-байкальской ветви (фарингализация гласных).

В **приложении** даны перечень принятых в работе сокращений, список информантов и дикторов, программы экспериментально-фонетических исследований, список тубинских словоформ, использованных в работе, библиография.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Двужычие у тубинцев // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. Москва, 31 января – 6 февраля 2000 г. – М., 2000. – С. 169–171.

2. Социолого-лингвистическое обследование тубинцев // XII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. – Томск, 2000. – С. 228–234.

3. Дистрибуция шумных переднеязычных согласных (на материале тубинского диалекта алтайского языка) // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Часть II. – Новокузнецк, 2000. – С. 23–26.

4. Дистрибуция тубинских среднеязычных согласных // Материалы международной конференции «Письменность: Становление и развитие науки в Туве». Часть I. – Кызыл, 2000. – С. 45–46.
5. Дистрибуция носовых сонорных согласных (на материале тубинского диалекта алтайского языка) // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. – Новосибирск, 2000. – С. 50–51.
6. Современная языковая ситуация у тубинцев // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 166–173.
7. Социолингвистическая ситуация у тубинцев // Алтайская филология. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 157–166.
8. Инвентарь межзачаточных согласных в туба-диалекте алтайского языка // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск, 2001. – С. 118–120.
9. Инвентарь тубинских мягкорядных гласных фонем // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. 2. Серия языкознание. – Абакан, 2001. – С. 13–17.
10. Дистрибуция тубинских губных согласных // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: филология и лингвистика. – Новосибирск, 2001. № 4. – С. 68–72.
11. Проблема создания письменности у тубинцев // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции (23–26 октября 2001 г. М., Институт языкознания РАН). – Москва, 2001. – С. 252–254.
12. Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных туба-диалекта алтайского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. – Новосибирск, 2001. – С. 35–61.